

Г. А. КОСМОЛИНСКАЯ

Н. М. КАРАМЗИН И ДАВИД ЮМ
(К вопросу об историографической концепции
Карамзина)

Н. М. Карамзин высоко ценил шотландского философа и историка, автора восьмитомной «Истории Англии» Давида Юма (1711—1776). Как будто специально для нас, последующих исследователей его творчества, Карамзин определенно указывает на Юма как на образец для подражания, проявляет особенное внимание к его историческому методу.

Тем не менее тема «Карамзин и Юм» не была еще предметом специального исследования. Пожалуй, единственной работой, касающейся этой темы, остается статья английского исследователя А. Г. Кросса «Карамзин и Англия».¹ Перечислив почти все высказывания Карамзина о шотландском философе, Кросс делает, по-видимому, абсолютно правильный вывод о значительном интеллектуальном и художественном влиянии Юма на Карамзина.² Ю. М. Лотман, комментируя известное высказывание Карамзина об «Историческом Триумвирате Британии» — Робертсон, Юм, Гиббон, также подчеркивает, что «наибольшее внимание он уделял Юму».³

Наблюдения Л. Н. Лузяниной над текстом «Истории государства Российского» учитывают наряду с различного рода влияниями (летописи, античная традиция, русская историография XVIII в. и начала XIX в.) «своеобразное преломление исторического анализ-

¹ Cross A. G. Karamzin and England // Slavonic and East European Revue. 1964. Vol. 43. Dec., № 100.

² Ibid. P. 108.

³ Лотман Ю. М. Примечания к «Письмам русского путешественника» // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 675.

ма Юма в творчестве историографа».⁴ Обращает на себя внимание и близость этой темы к проблеме русского сентиментализма. Сентиментализм как художественное течение сказался не только в художественных произведениях Карамзина, но и в его «Истории государства Российского» — приходит к выводу американский литературовед Гораций Дьюи.⁵ Выяснение философских корней русского сентиментализма необходимо при реконструкции историографической концепции Карамзина.

«Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сих пор времени нет хорошей Российской истории...», — писал Карамзин в «Письмах русского путешественника».⁶ Пережив тяжелое разочарование в ходе французской революции, он, естественно, обращается к судьбе России, ее прошлому, настоящему и будущему. Сознательная потребность в «хорошей Российской истории», Карамзин стремится осуществить этот замысел, ориентируясь на английскую историографию XVIII в.: «... Юм, Робертсон, Гиббон — вот образцы!», «лучшие историки», непревзойденный «Исторический Триумvirат Британии».⁷

После бурного увлечения (это тоже отражено в «Письмах русского путешественника») историческими сочинениями французского утопического коммуниста аббата Мабли, которого называли «пророком бедствий», Карамзин подчеркнуто ориентируется на более прочные идеалы английского Просвещения.

Своеобразие и уникальность Просвещения в Англии были связаны с тем, что это явление развивалось уже после Английской буржуазной революции середины XVII в. и ее политического итога — переворота 1688 г. «Многозначащая особенность английского просветительского движения состояла в том, что на его долю выпала не столько деструктивная критика старого режима, рельефно выраженная в произведениях французских просветителей, сколько *конструктивная* работа с целью обоснования и утверждения нового строя...»⁸ Этим во многом объясняется преобладание в идеологии английского Просвещения этической и религиозно-философской проблематики, ее ограниченность преимущественно духовной сфе-

⁴ Лузянина А. Н. Проблемы историзма в творчестве Карамзина — автора «Истории государства Российского» // XVIII век. А., 1981. Сб. 13. С. 162.

⁵ Dewey H. W. Sentimentalism in the Historical Writings of N. M. Karamzin // American contributions to The Fourth International Congress of slavists (Moscow, september 1958). The Hague, 1958.

⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 252.

⁷ Там же. С. 252, 369.

⁸ Просветительское движение в Англии / Под ред. проф. Н. М. Мещеряковой. М.: МГУ, 1991. С. 108.

рой. Английские историки-просветители XVIII в. пытались обойти саму тему революции, углубляясь в изучение истории древности. Их отношение к революционным проявлениям в обществе, а также оценка буржуазной революции XVII в. часто отличались прямой враждебностью.⁹ Так, Юм считает Английскую революцию XVII в. делом религиозного фанатизма, породившим резню и беспорядок. Невежественные фанатики и «фантазеры» разожгли религиозные предрассудки и суеверия, направив все партии друг на друга.

Впечатление, которое произвела на Карамзина «История Англии», было усилено живыми впечатлениями очевидца французской революции. Он полностью разделяет враждебность Юма по отношению к революционным событиям: «Английская История богата злодействами», — пишет Карамзин в «Письмах...», имея в виду «Историю» Юма, которую он «недавно читал». При осмотре Тауэра «русский путешественник» вспоминает убитых принцев, католиков и реформаторов, роялистов и республиканцев, умерщвлявших друг друга. «Здесь была не одна Французская революция»,¹⁰ — заключает Карамзин.

Безусловно, цель, которую ставил перед собой Юм-историк — возбудить отвращение к насилию, к революционным взрывам на пути истории, была достигнута. Карамзин пережил сильнейшее волнение от чтения его «Истории»: «Книга выпадает из рук. Кто полюбит англичан, читая их историю».¹¹

В 1798 г. Карамзин, собираясь серьезно заняться историей, записал: «Начну с Джиллиса; после буду читать Фергусона, Гиббона, Робертсона — читать со вниманием и делать выписки...»¹² Имени Юма в этом ряду нет. Это может означать, очевидно, только то, что его не надо «читать со вниманием и делать выписки», ибо эта работа уже проделана, Юм «освоен» и более того — признан «образцом» для подражания.

Знакомство Карамзина с творчеством Д. Юма не ограничивалось «Историей Англии». Его литературно-издательская деятельность примерно с середины 90-х годов XVIII в. явно протекала под впечатлением философии Юма, в первую очередь его гносеологии и этики. В письме к И. И. Дмитриеву из опустевшей Москвы 1812 г.

⁹ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII—первая пол. XIX в.). М., 1985. С. 98.

¹⁰ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 348.

¹¹ Там же.

¹² Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1. С. 203

фраза: «...читаю Юма о происхождении идей!!»¹³ — больше говорит о настроении, философской позиции перед лицом надвигающейся опасности, чем о желании сообщить о знакомстве с сочинением шотландского философа. Для поколения (круга) Карамзина освоение философии Юма происходило значительно раньше. М. Н. Муравьев в статье «О истории и историках» (1790-е гг.) признает за Юмом важнейшую роль в европейской историографии XVIII в.¹⁴ В 1805—1810 гг. молодой В. А. Жуковский внимательно изучал философские сочинения Юма; оставленные на страницах пометы обнаруживают, как «с учетом сделанного в этом отношении Муравьевым и Карамзиным формируется сенсуализм <...> гносеологические и нравственно-этические воззрения» Жуковского.¹⁵

Путь Юма к «Истории Англии» (1754—1778) пролегал через его философские труды, в которых излагались взгляды автора на историю: «Трактат о человеческой природе» (1739—1740), особенно его книга третья, «О морали»; «Исследование о человеческом познании» (1745); эссе «Об изучении истории» (1741); «О красноречии» (1742) и др. В основе всех рассуждений Юма лежит утверждение, которое он сам определил как «открытие в этике»;¹⁶ утверждение, идущее вразрез с просветительской традицией, заключалось в том, что моральные оценки — результат не суждений разума, но эмоций. Человеку от природы, считает Юм, присущи «нравственные чувствования», которые «так глубоко коренятся в нашей психической организации, в нашем нраве, что невозможно искоренить и уничтожить их, не повергнув тем самым человеческий дух в болезнь или сумасшествие».¹⁷ Таким образом, «добродетель различается вследствие того удовольствия, а порок — вследствие того страдания, которое возбуждает в нас любой поступок, любое чувство или характер при первом же взгляде на него, при первом же его рассмот-

¹³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 165. В данном случае речь может идти как о «Трактате о человеческой природе» (1739), часть первого озаглавлена: «Об идеях, их происхождении, составе, связях, абстрагировании и т. д.», так и об «Исследовании о человеческом познании» (1748), важнейшие идеи и рассуждения которого вытекают из содержания «Трактата».

¹⁴ Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. СПб., 1819. Ч. 2. С. 13.

¹⁵ Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск. 1984. Ч. 2. С. 280. См. также: Казунова Ф. З. Карамзин и Жуковский: (Некоторые вопросы изучения русской истории по материалам библиотеки В. А. Жуковского) // XVIII век. СПб., 1989. Сб. 16. С. 130—138.

¹⁶ Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга третья: О морали // Юм Д. Сочинения: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 618 (далее ссылки даются на это издание с указанием названия сочинения, тома и страницы).

¹⁷ Там же. С. 623—624.

смотрении». ¹⁸ История же показывает нам «самые тонкие проявления добродетели», ¹⁹ она способна своими образами прошлого или «картинами» вызывать наиболее сильные и упорные эмоции («аффекты памяти»), ибо эти картины истинны. Сознывая добродетель, хотя бы в образах далекого прошлого, человек чувствует «особое удовольствие» и таким образом совершенствуется. Ни философия, ни поэзия не способны по силе воздействия и последствиям сравниться с историей.

С середины 90-х гг. XVIII в. Карамзин стоит перед мучительным выбором: «поэзия или история?» ²⁰ Возобладал интерес к истории, что явилось важным итогом кризиса просветительской идеологии, последовавшего за «ужасными происшествиями Европы». И на этом пути Карамзин находил опору в суждениях Юма об особом, ни с чем не сравнимом, этическом смысле истории.

Своеобразным панегириком истории воспринимается эссе Юма «Об изучении истории», где он пишет о достоинствах и преимуществах истории перед другими науками, выделяя главное: история «знакомит нас с человеческими делами, ни в коей мере не скрывая самых тонких проявлений добродетели. И говоря по правде, я не знаю другого такого исследования или занятия, которое было бы столь же безупречно в данном отношении, как история». ²¹ Историк как бы стоит над обществом, он лично не заинтересован «в том, чтобы исказить свои суждения», и поэтому всегда представляет добродетель и порок «в истинном свете». Если даже человек в одном лице совмещает политика и историка (как, например, Макиавелли), то в его сочинении отчетливо различимы обе эти позиции, причем позиция историка, отражающая его «резкое негодование по поводу порока и <...> горячее одобрение добродетели», продиктована природой. ²² Здесь нельзя не вспомнить ту роль «правдолюбца», отнюдь не безопасную, которую принял на себя историограф Карамзин в отношениях с Александром I, в их царскосельских разговорах «с глазу на глаз». ²³

¹⁸ Там же. С. 625.

¹⁹ Юм Д. Об изучении истории. Т. 2. С. 820.

²⁰ Ср.: письмо к П. А. Вяземскому (1796) г.: «...лучше читать Юма, Гельвеция, Мабли, нежели в томных элегиях жаловаться на холодность или непостоянство красавицу». Характерно, что путь Карамзина к окончательному выбору пролегал через философию: «...скоро бедная Муза моя или пойдет совсем в отставку, или <...> будет перекладывать в стихи Кантову Метафизику с Платоновой Республикою». — Русский архив. СПб., 1872. Стб. 1323—1327.

²¹ Юм Д. Об изучении истории. Т. 2. С. 820.

²² Там же.

²³ Эйдельман Н. Последний летописец. М., 1983. С. 113—117.

Слова о врожденном чувстве добродетели, присущем историку, как и любому другому человеку, Юм подкрепляет стихами Горация из «Послания к Фуку Авицию»: «как бы яростно вы ни изгоняли природу, она все равно возвратится к вам». ²⁴ Эти особенно популярные в России в последней трети XVIII в. строки были также использованы в 1803 г. Карамзиным (но в переложении Лафонтена) для подтверждения того, что «нравственное чувство <...> так независимо от воли, что все убеждения, все твердые намерения перемениться нравом остаются без действия». ²⁵

В статье «Разсуждения философа, историка и гражданина» (1795), запечатлевшей во всей сложности искания будущего историка, ²⁶ Карамзин идет тем же логическим путем, что и Юм в эссе «Об изучении истории», к убеждению: только история и исторический опыт позволят обнаружить «малоизвестную стезю», которая и приведет к «храму истинной мудрости». ²⁷ Позиция историка так же беспристрастна: «Историк напоминает деяния <...> и умолкает». Воссозданная им в «картинах» история способна влиять на нравственность: «злодей трепещет его пера и нередко обращается на путь добродетели» ²⁸ — такова сила истории. Возникающая, возможно, более привычная ассоциация с «силой искусства» находит место в философском объяснении Юмом данного феномена: «Поэтическое описание может произвести более ошутимое действие на фантазию, чем исторический рассказ <...> Однако идеи, вызываемые им, *чувствуются* нами иначе, чем те, которые порождаются памятью и рассудком. Есть какая-то слабость, какое-то несовершенство в кажущейся пылкости мысли и чувства, сопровождающей фикции поэзий». ²⁹ В эссе «Об изучении истории», написанном в более публицистическом, нежели философском стиле, Юм предостерегает поэтов, способных «изображать добродетель в самых изысканных красках», но адресующихся «исключительно к человеческим аффектам»,

²⁴ Юм Д. Об изучении истории. Т. 2. С. 820.

²⁵ Карамзин Н. М. Чувствительный и холодный // Вестник Европы. 1803. Ч. 11 № 19. С. 207.

²⁶ Махогоненко Г. П. Николай Карамзин — писатель, критик, историк // Н. М. Карамзин. Сочинения: В 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 35—36.

²⁷ Карамзин Н. М. Разсуждения философа, историка и гражданина // Московские ведомости. 1795. № 97. С. 2836.

²⁸ Там же.

²⁹ Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая: О познании. Т. 1. С. 226.

от опасности оказаться «адвокатами порока».³⁰ Поэт или «оратор» в «Разсуждениях философа, историка и гражданина» Карамзина также впадает в заблуждение на пути познания истины, «излишне надеясь на суетный блеск красноречия».³¹

Также безупречна позиция философа. «Философы любят запутывать самих себя своими тонкими спекуляциями», так что едва ощущают «различие между пороком и добродетелью»³² — вынужден признать Юм. Нетвердость философских понятий отмечает карамзинский историк: «Философ теряется в системах...»³³ В «Разсуждениях» отразился скепсис Карамзина в связи с пройденным для него этапом просветительского преклонения перед разумом и безграничными его возможностями, верой в то, что «ум есть фарос жизни человека».³⁴

Исследователь, поставивший себе цель реконструировать историографическую концепцию Карамзина, должен прежде всего обратить внимание на те историографические ориентиры, которые сам Карамзин обозначил в своем программном произведении — «Предисловии» к „Истории государства Российского“. В частности, обращает на себя внимание имеющееся в тексте «Предисловия» противопоставление историографии Мабли «новым успехам разума». Это противопоставление касается не только существа метода, которым оперирует историк, его способности объяснять прошлое, но и отражает процесс формирования карамзинских представлений об этом методе. «Мы, вопреки мнению Аббата Мабли — писал Карамзин, — не можем ныне витийствовать в Истории. Новые успехи разума дали нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее...»³⁵ Таким образом, Карамзин отказывается от умозрительных, скомпрометированных в ходе Французской революции, просветительских идей естественного права и общественного договора, которые отстаивал Мабли и которыми он сам увлекался, читая в Париже его трактаты «Об изучении истории» и «О способе писать историю». «Витийство в истории», проникновение социальных учений в сферу историографии теперь Карамзин считает недопустимым. Более того, все, что не имеет отношения к собственно историческим «описаниям»,

³⁰ Юм Д. Об изучении истории. Т. 2. С. 820.

³¹ Карамзин Н. М. Разсуждения философа, историка и гражданина.

³² Юм Д. Об изучении истории. Т. 1. С. 820.

³³ Карамзин Н. М. Разсуждения философа, историка и гражданина.

³⁴ Там же.

³⁵ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М.: «Наука», 1989. Т. 1. Предисловие, С. 18 (далее: Карамзин Н. М. Предисловие... с указанием страниц).

представляет сомнительную ценность, или в лучшем случае оказывается «весьма обыкновенными истинами».³⁶ Долг историка — «искусное повествование» — заключается прежде всего в «объяснении дел», способности историка указать на причинно-следственные связи в цепи исторических событий. Образцом такого историка для Карамзина, автора уже восьми томов русской истории, является «совершеннейший из новых», «благоразумный Юм, иногда весьма плодовитый в изъяснении причин, но до скупости умеренный в размышлениях».³⁷

Учению Юма о причинности, несмотря на присущие ему противоречия, отводится в истории философии исключительно важное место. Проблема причинности, древняя по своему происхождению, «нигде не выдвигалась на первый план так, как это мы встречаем у Юма»,³⁸ который поставил ее именно как философскую проблему.

Традиционному для XVIII в. «психологическому прагматизму» в трактовке хода исторических событий Юм дал философское (феноменологическое) обоснование, сведя все виды причинности к причинности психологической, духовной, существующей только как способ соединения перцепций в области психики. Соответственно сближаются такие науки, как гражданская история, этика, история религии и др., с психологией, наукой о духовных процессах. Явления прошлого рассматриваются историком преимущественно через восприятие исторических деятелей, следовательно они окрашены их эмоциями и влечениями. В этой сфере «эмоций и влечений» историк и должен искать причины исторических событий, что блестяще продемонстрировал Юм в своей «Истории Англии».

Нужно сказать, что исследователями замечено некоторое противоречие в позициях Юма-философа и Юма-историка.³⁹ Подвергая философскому сомнению наличие объективных каузальных связей, он, как историк, в то же время вынужден учитывать различные внешние факторы, под воздействием которых совершали поступки те или иные исторические деятели. Так, например, с учетом этих факторов им анализируется в «Истории Англии» битва при Денбаре⁴⁰ и ряд других событий.

«В истории, — писал Юм, — связь между разными событиями, объединяющая их в одно целое, есть отношение причины и следст-

³⁶ Там же. С. 19.

³⁷ Там же.

³⁸ Виноградов Н. Д. Философия Давида Юма. М., 1905. Ч. 1. С. 77.

³⁹ Нарский И. С. Давид Юм. М., 1973. С. 56—57.

⁴⁰ Юм Д. История Англии (извлечения). Т. 2. С. 830—831.

вия».⁴¹ Он рассматривает эту связь как результат усилий историка, который должен стремиться, чтобы события в его изложении «протекали в очень тесной связи друг с другом».⁴² Как можно более тесная связь событий — важное условие не только исторического сочинения, но и любого другого, ибо «таким образом сохраняется живой интерес (читателя. — Г. К.) и посредством близкой связи объектов он непрерывно возрастает от начала и до конца повествования».⁴³ Как видим, проблема причинности переносится Юмом в область психологии художественного восприятия. И такой подход не мог не интересовать Карамзина, профессионального литератора. Тем более что перед ним как историком возникли новые трудности, связанные, с одной стороны, с необходимостью воссоздания тесной связи событий, а с другой — с отсутствием достаточного количества исторических свидетельств. Юм следующим образом анализирует такого рода ситуацию: «В своем повествовании автор стремится коснуться каждого звена <...> цепи (исторических событий. — Г. К.). Иногда вследствие неосведомленности, которой ему не удается избежать, его старания остаются бесплодными. Иногда своими догадками он возмещает недостаток знаний и постоянно чувствует, что, чем неразрывнее эта цепь (событий. — Г. К.), которую он представляет своим читателям, тем совершеннее его произведение».⁴⁴ Нельзя не отметить в этой связи ту ноту долженствования, которую внес Карамзин в свое знаменитое высказывание: «Историк может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место».⁴⁵

Философская проблема причинности неразрывно связана в историографии с вопросом о форме исторического сочинения. Многие предшественники Карамзина (например, В. Н. Татищев) продолжали в своем творчестве придерживаться анналистической формы изложения исторического материала. Хотя в целом в историографии XVIII в. вполне утвердилось мнение о необходимости разделения летописного и проблемного подходов к «истории». Слова Карамзина: «Историк не летописец: последний смотрит единственно на

⁴¹ Примечание Д. Юма из третьей главы «Исследования о человеческом познании» // *Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика*. М., 1973. С. 340 (далее: Юм Д. Примечание... с указанием страниц).

⁴² Там же. С. 338.

⁴³ Там же. С. 338—339.

⁴⁴ Там же. С. 335.

⁴⁵ *Карамзин Н. М. Предисловие*. С. 20. Ср. у Юма: «...как бы историки не ошибались в своих суждениях относительно тех или иных отдельных лиц, они всегда оставались «истинными друзьями добродетели и всегда представляли ее в истинном свете». (Юм Д. Об изучении истории. Т. 2. С. 820.

основанием назвать крылатыми, они как бы суммировали в себе усилия его предшественников, подводя черту их многолетнему поиску.

То, что Карамзин не мог не учитывать традиций русской историографии XVIII в., не вызывает сомнения. В то же время наблюдения над повествовательным стилем «Истории государства Российского» дают основание говорить и о разнообразных европейских гуманитарных влияниях на Карамзина, включая творчество Д. Юма.⁴⁷

Ближайшим предшественником Карамзина в работе над русской историей справедливо признается историк М. М. Щербатов. Его «История Российская» была первым крупным трудом, в котором автор отошел от формы летописного свода, «смело нарушая хронологическую последовательность летописных источников, прерывая бессистемность расположения известий своими исследовательскими соображениями».⁴⁸ Исследователями отмечалось, что Карамзин следовал Щербатову не только в выборе источников, но и в «системе изложения».⁴⁹ В подобного рода наблюдениях много верного, но все же ряд положений на тему «Щербатов и Карамзин» остаются спорными, некоторые — недостаточно изученными. Так, например, не уделено внимания тому факту, что методология обоих историков соотнесена с позицией Д. Юма.

В Предисловии к «Истории Российской» Щербатов, выражая уверенность в том, что «Россия просвещением своим равняется со всеми европейскими государствами»,⁵⁰ посчитал уместным предложить читателям, вместо собственных рассуждений об историческом методе, отрывок из «Трудов господина Гюма о связи воображений». Отрывок этот взят из примечания к главе «Об ассоциации идей» ранее на русском языке не публиковавшегося «Исследования о человеческом познании» Д. Юма.⁵¹ Это обширное примечание (по сути — самостоятельное произведение) содержит рассуждения философа о значении причинно-следственной связи в «истории», по

⁴⁷ Лузянина А Н Указ соч С 162

⁴⁸ Пештич С А Русская историография XVIII века А, 1971 Ч 3 С 36

⁴⁹ См., например Каченовский М Т [Рец на «Историю государства Российского» Том XII] // Вестник Европы М, 1829 № 17 С 10, Соловьев С М Н М Карамзин и его «История государства Российского» // Собр соч СПб изд «Общественная польза», [6 г] Стб 1501, Миллюков П Н Главные течения русской мысли М 1898 Т 1 С 160, 163, Пештич С А Указ соч С 15, примеч 56

⁵⁰ Щербатов М М История Российская СПб, 1794 Предисловие, с XV—XVI

⁵¹ Опубл Примечание Д Юма из третьей главы «Исследования о человеческом познании» // Хатчесон Ф, Юм Д, Смит А Эстетика М, 1973 С 334—342 Отрывок, цитируемый Щербатовым — с 335—336

лософа о значении причинно-следственной связи в «истории», по выражению Щербатова — «науке притчин».⁵² Стремление Щербатова (может быть, не всегда удачно осуществленное)⁵³ следовать этой «науке», представлять исторические явления в виде непрерывной цепи причин и следствий, реально сближало позиции двух русских историков. В 1811 г. записку «О древней и новой России» Карамзин начинает словами: «Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее; одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее». Карамзин, не вдаваясь в рассуждения, передает суть своего понимания проблемы причинности, близко следуя логике рассуждений Юма.⁵⁴

Отношение Карамзина к Юму даже в рамках одного «Предисловия» оказывается намного сложнее того явного противостояния, которое бросается в глаза при первом рассмотрении: «национальный бытописатель» Карамзин и «холодный», «беспристрастный» Юм. Карамзин, как и много лет назад, признавая Юма, «совершеннейшим из Новых», в то же время не мог мириться с его индифферентностью национальной идее.

Свою концепцию создания национальной истории Карамзин, оставаясь в сущности, под глубоким впечатлением методологии истории Юма, тем не менее строит на открытом несогласии с его национальным индифферентизмом и на скрытой полемике с теми положениями, которые сам ранее разделял. Карамзинская национальная идея требовала от историка уважения ко всем без исключения историческим материалам и фактам русской истории, что само по себе выходило за рамки прагматической историографии. Для реализации этого условия Карамзин в своей «Истории» прибегнул к созданию фактически второго, «параллельного изложения русской истории»⁵⁵ — Примечаний. Это полностью противоречило тому, что раньше, в «Письмах русского путешественника», он утверждал со ссылкой на Юма: «Родословная князей, их ссоры, междоусобие, набеги Половцев, не очень любопытны <...>, но зачем наполнять ими целые тома? Что не важно, то сократить, как сделал Юм в Английской истории».⁵⁶ Не только опыт Юма в английской истории, но и

⁵² Щербатов М. М. Указ. соч. С. XVI.

⁵³ Пештич С. А. Указ. соч. С. 16—17

⁵⁴ Характерна, в духе Юма, конечная цель данной формулы — читательское восприятие.

⁵⁵ Лотман Ю. М. К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина // Пушкин и его современники. Псков. 1979. С. 110

⁵⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 252—253.

его высказывания на эту тему в философских сочинениях способны были повлиять на такой подход Карамзина к написанию истории.

В эссе «О красноречии» Юм, например, замечает: «...в политической истории наблюдается значительно больше однообразия, чем в истории просвещения и наук; войны, дипломатические переговоры и политики одного века напоминают войны, переговоры и политику другого века больше, нежели вкусы, остроумие и философские принципы». ⁵⁷ Он неоднократно в разных сочинениях повторяет мысль о том, что однообразие и незначительность фактов в истории утомительны, восприятие их эмоционально бесцветно. В «Исследовании о принципах морали» Юм прибегает к конкретным примерам: «Фукидид и Гвиччардини с трудом привлекают наше внимание, когда первый описывает повседневные стычки маленьких греческих городов, а последний — безобидные военные действия Пизы. Этим интересуются немногие, а незначительный интерес не захватывает воображения и не возбуждает участия». ⁵⁸ Он рекомендует историкам изображать «крупные невзгоды», важные события, имеющие важные последствия и т. д. — «вот это возбуждает сострадание, вызывает ужас и беспокойство». ⁵⁹

В Предисловии к «Истории государства Российского» Карамзин как бы продолжает начатую в «Письмах» тему: «как писать русскую историю». Характерна при этом сама форма выражения. Сначала Карамзин как бы подтверждает все то, что было сказано им ранее в «Письмах»: «Знаю, что битвы нашего Удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для Прагматика, ни красотою для живописца...» — и в заключение дает своего рода апофеизму: «История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир». ⁶⁰ Употребление слова «приятно», чрезвычайно значимого для Юма, выдает, может быть, бессознательное ему оппонирование.

Характерные черты сенсуалистской гносеологии Юма заметны на протяжении всего «Предисловия». Лексика Карамзина наполнена глаголами чувствования: историю «любят», она доставляет «удовольствие», ⁶¹ позволяет «наслаждаться прекрасными описаниями», история «приятна», «любезна», история, в конце концов, «утомительна».

⁵⁷ Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. М., 1973. С. 361.

⁵⁸ Юм Д. Сочинения: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 265.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Карамзин Н. М. Предисловие. С. 16—17.

⁶¹ Только понятие «удовольствие» различной степени («полное удовольствие», «истинное удовольствие») применено на страницах «Предисловия» 6 раз.

Возвращаясь к методологии Карамзина и, в частности, к вопросу об отборе исторических материалов и сюжетов для русской «истории», имеет смысл вновь обратить внимание на форму его рассуждений. Аргументация Карамзина, изложенная в сослагательной форме, уже несущей в себе ответную реакцию на предложение, явно подразумевает адресата в лице Юма и его рекомендации историкам: «Историк России мог бы, конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной картине и начать обстоятельное повествование с Иоаннова времени <...> когда совершилось одно из величайших творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц, вместо многих книг, трудных для Автора, утомительных для Читателя». Но этого недостаточно: «...мы должны сами видеть действия и действующих: тогда знаем историю».⁶²

Важно отметить, что здесь впервые Карамзин вынужден признать, что история бывает «утомительна» для читателя. Он принимает юмовскую трактовку эмоционального восприятия «истории», но с оговоркой: «...чтение всех Историй требует некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием».⁶³

Наряду с этим высказыванием в Предисловии в большей степени присутствуют утверждения типа: «история доставляет удовольствие для сердца и разума», т. е. предполагающие несколько иной тип читательского восприятия, а именно тот, который анализирует Юм. Очевидно, что для разрешения возникшего в этой связи противоречия (удовольствие или утомление?), Карамзину нужны убедительные мотивы. Ведь для него, профессионального писателя, бесспорным знанием является то, что пишет Юм по поводу психологии художественного восприятия: «...читатель должен испытывать сильное утомление и неприятное чувство от повторяющегося воздействия одних и тех же действий».⁶⁴ Однако задачи национальной историографии, требующей уважения ко всем без исключения событиям истории, противоречили этому правилу. Решение, найденное Карамзиным, подчинено его концепции русской истории как истории государственности, которая включает в себя и такую категорию как «государственная нравственность». Призывая читателей русской истории «вооружиться терпением», уверяя, что в конце концов их терпение вознаградится «удовольствием», Карамзин ап-

⁶² Карамзин Н. М. Предисловие. С. 16—17.

⁶³ Там же. С. 16.

⁶⁴ Примечание Д. Юма из третьей главы «Исследования о человеческом познании» // Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. М., 1973. С. 340.

пелирует к чувству патриотизма и «правилам государственной нравственности»,⁶⁵ ставя их как бы над юмовским «открытием в этике».⁶⁶ После 1812 г. патриотические чувства в русском обществе, действительно, достигали высокого накала. Карамзин, как и многие тогда, испытав жар патриотических чувств, мог воочию убедиться в том, что в сфере национального самосознания реализуются сильнейшие положительные эмоции: «Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона»,⁶⁷ «Картины» русской истории даже «в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце».⁶⁸

В рассуждениях Юма на ту же тему «картины», способные заставить наши сердца биться «в унисон с сердцами тех людей», жизнь которых описывается историком»,⁶⁹ принадлежат всемирной истории. Карамзин оспаривает юмовский принцип всеобщности нравственно-исторических ценностей, указывая на несоблюдение этого принципа самим Юмом в его «Истории Англии». Юм, «охладивший свое изящное творение»: излишним «бестрастием»,⁷⁰ непоследователен, считает Карамзин, когда речь заходит о его родной Шотландии. «Только тогда рассказ Юма становится теплее, когда он передает нам о шотландских междоусобиях; но именно тогда-то он становится пристрастным к Шотландии и обнаруживает свой провинциальный патриотизм. А пристрастие к Шотландии в сочинении, которое называется „История Англии“, становится чем-то иным»⁷¹.

Это рассуждение — «о том, как должно писать национальную историю» и «о Юме», записанное в 1824 г. Буссе,⁷² по свидетельству А. И. Тургенева, не раз слышавшего от Карамзина подобные высказывания, не только сохранило точно «весь смысл слов» историко-

65 Карамзин Н. М. Предисловие. С. 17.

66 См. выше, с. 000.

67 Карамзин Н. М. Предисловие. С. 14.

68 Там же. С. 15.

69 Юм Д. Исследование о принципах морали. Т. 2. С. 265.

70 Карамзин Н. М. Предисловие. С. 19.

71 Николай Михайлович Карамзин у графа Н. П. Румянцева в 1824 г. // Русская старина. СПб., 1890. Т. 67. С. 453—454.

72 По предположению издателя этих записок А. Н. Майкова, «Буссе [Busse Carl Heinrich von. — Г. К.], вероятно, тот самый, который еще в 1819 г. издал в Лейпциге книгу: „Fürst Wladimir, und dessen Tafelrunde. Altrussische Heldenlieder“ (Русская старина. СПб., 1890. Т. 67. С. 449).

графа, но и «жар души».⁷³ Так что считать оговоркой то, что Карамзин говорит здесь о «шотландских междоусобиях», событиях, по теории Юма, малоинтересных и необязательных в историческом повествовании, и об особом пристрастии к ним Юма, видимо, будет неверно.

В своей историографической концепции, наиболее полно выраженной в Предисловии к «Истории государства Российского», Карамзин не мог, конечно, избежать повторения всего комплекса представлений и образов предшествующей ему русской (и даже глубже — славянской)⁷⁴ историографии. Но принадлежали эти представления теперь иной логико-стилистической системе, ориентированной на гуманитарные ценности нового исторического витка, последовавшего за потрясениями французской революции и разочарованием в идеалах Просвещения.

По намеченным самим Карамзиным в тексте Предисловия ориентирам выявляется схема его отношения к идеям шотландского философа Д. Юма. Помимо прямых указаний на авторитет Юма, отголоски его философии и методологии истории обнаруживаются в суждениях Карамзина о значении истории, о ее этическом и эстетическом смыслах, о методе работы историка и форме исторического сочинения. В самой структуре текста Предисловия идеям Юма принадлежит важная конструктивная роль. Они являются своеобразной системой координат, относительно которых Карамзин строит свою собственную методологию национальной истории.

⁷³ Там же. С. 449.

⁷⁴ Робинсон А. Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963. С. 43 и др.